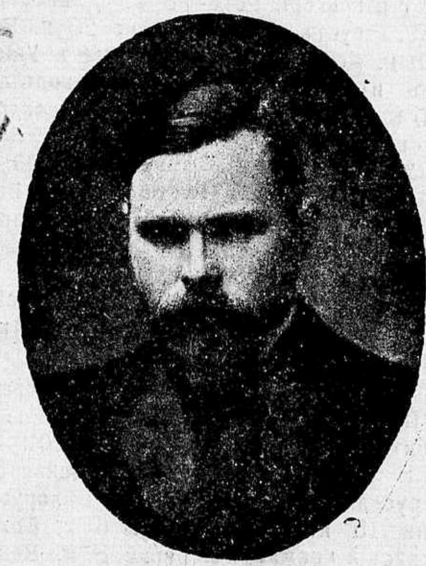
№ 266.

Въ странѣ
ХОЛОДА и СМЕРТИ.

Съ 10-ю рисунками.

Экспедицiя художника
А. А. Борисова.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

Изданія Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній М. Н. П.

(С. Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 14).

I. Отдѣлъ религіозно-нравственный.

Чему училъ Господь Іисусъ Христосъ 8 к. Слава Его на землѣ 8 к. Уничиженіе Его на землѣ 8 к. Церковь со временъ Апостоловъ 15 к. Божія Матерь 10 к. Богослуженіе 10 к. В. постъ 8 к. Василій Великій 6 к Григорій Богословъ 7 к. Іоаннъ Златоустъ 6 к. Николай Чудотворецъ 8 к. Ксенофонтъ и Марія 8 к. Кириллъ и Меѳодій 8 к. Стефанъ Пермскій 5 к. Св. Митрофанъ 5 к. Димитрій Ростовскій 5 к. Св. Тихонъ 6 к. Ѳеодосій Углицкій 8 к. Трифонъ 10 к. Св. Ника 6 к. Іоаннъ Дамаскинъ 3 к. Алексѣй человѣкъ Божій 5 к. Серафимъ Саровскій 10 к. Митр. Платонъ 5 к. Иннокентій 10 к. Св. земля 12 к. Богомольцы въ Св. Землѣ 20 к. Богомольцы на Синаѣ 12 к. Богомольцы у святынь Кіева. Лавра 20 к. Тоже. Старый Кіевъ 10 к. Троицко-Сергіева лавра 10 к. Почаевская лавра 8 к. Валаамская обитель 8 к. Бѣлозерскій монастырь 8 к. Соловецкая обитель 8 к. Н. Іерусалимъ 8 к. Ростовъ и его святыни 15 к. Святыни Вильны 10 к. Московскій кремль 7 к. Святыни Чернигова 6 к. Старецъ Амвросій 7 к. Святыни Новгорода. 15 к. Назначеніе женщины 15 к.

II. Отдѣлъ историческій.

Начало христіанства на Руси 6 к. Сыновья Владиміра 6 к. Владиміръ Мономахъ 10 к. Нашествіе татаръ 7 к. Александръ Невскій 7 к. Мамаево побоище 8 к. Іоаннъ III 10 к. Елена Іоанновна 10 к. Іоаннъ Грозный 10 к. Начало книгопечатанія 5 к. Смутное время 12 к. Патріархъ Филаретъ 8 к. Михаилъ Ѳеодоровичъ 6 к. Алексѣй Михайловичъ 6 к. Присоединеніе Малороссіи 7 к. Петръ Великій 25 к. Чему училъ Петръ В. народъ 8 к. Преемники Петра В. 10 к. Екатерина II 7к. Суворовъ 7 к. Потемкинъ 8 к. Александръ I 8 к. Народная война 20 к. Николай I 8 к. Севастопольцы 8 к. Уніаты 15 к. Александръ II 15 к. Походъ въ Турцію 1877—78 г. 15 к. Александръ III 7 к. Милость Божія 5 к. Свящ. Коронованіе 5 к. Петербургъ за 200 лѣтъ 15 к. Движеніе Россіи на Д. Востокъ 10 к. Какъ погибъ кр. «Рюрикъ» 5 к. Крестовые походы 15 к. О театрѣ 15 к. Іоанна д'Аркъ 10 к. Христ. Колумбъ 4 к. Исторія Пруссіи 15 к. Исторія Франціи. Исторія Англіи.

III. Географія и этнографія.

А. РОССІЯ. Архангельскій край 10 к. Астраханская губ. 8 к. Бессарабія 8 к. Бѣлорусскій край 8 к Киргизы 6 к. Волга 12 к. Вологодскій край 8 к. Восточныя окраины 10 к. Гора Араратъ 10 к. Западн. Сибирь 8 к. Кавказъ 15 к. Сѣверъ и его просвѣтители 8 к. Крымъ 10 к. Кубанская обл. 7 к. Ладожское озеро 10 к. Москва 25 к. Н.-Новгородъ и Нижег. край 10 к. Олонецкій край 10 к. Петербургъ 20 к. В. Сибирскій путь 8 к. Тамбовская старина 8 к. Уралъ 6 к. Финляндія 8 к. Средняя Азія 10 к.

Б. ЧУЖІЕ КРАЯ. Абиссинія 10 к. Австралія 12 к. Америка 8 к. Буры 8 к. Венгрія 8 к. Греція 8 к. Голландія 7 к. Египетъ 5 к. Италія 10 к. Испанія 10 к. Индія 8 к. и др.

ВЪ СТРАНѢ
ХОЛОДА И СМЕРТИ.

Экспедиція художника

А. А. Борисова.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

Съ 10-ю рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, 4.
1909.

СПИСОКЪ КАРТИНЪ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ.

Въ странѣ холода и смерти.

Далекій Сѣверъ до сихъ поръ мало извѣстенъ и мало изслѣдованъ путешественниками, благодаря тяжелымъ условіямъ, при которыхъ имъ приходится тамъ пробиваться среди вѣчныхъ льдовъ.

Донынѣ еще никто не достигъ самой сѣверной точки земнаго шара, — сѣвернаго полюса. Находились охотники — смѣлые, предпріимчивые люди, которые брались добраться до него, съ невѣроятными трудами странствовали по Ледовитому океану; одни погибали въ немъ, другіе теряли половину своихъ спутниковъ и, возвращаясь, разсказывали чудеса о томъ, что видѣли на дальнемъ сѣверѣ и что тамъ переживали.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ путешественниковъ къ Сѣверному полюсу — нашъ современникъ, норвежецъ Фритьофъ Нансенъ.

Были и русскіе люди, которые пытались

изучить дальній сѣверъ—Ледовитый Океанъ и острова, лежащіе на немъ и другихъ съ ними ознакомить.

Недавно такое путешествіе предпринялъ художникъ А. А. Борисовъ, который просла-

А. А. Борисовъ.

вился замѣчательными картинами сѣверной природы. Разсказъ о его странствіяхъ и приключеніяхъ, который ведется отъ его лица, и составляетъ содержаніе настоящаго чтенія.

Крайній сѣверъ, съ его мрачной, но мощной и таинственной природой, съ его вѣчными льдами и почти безсмѣнной ночью, всегда привлекалъ меня къ себѣ. Сѣверянинъ по душѣ и по рожденію, я всю жизнь съ ранней юности только и мечталъ о томъ, чтобы отправиться туда, вверхъ, за предѣлы Архангельской губерніи. Родился я въ 1866 году въ деревнѣ Глубокій Ручей, Вологодской губерніи, Сольвычегодскаго уѣзда, на берегу Сѣверной Двины. Дѣтство провелъ среди крестьянской обстановки, но душа моя была далеко не спокойна. Мысли мои неслись куда-то далеко-далеко, въ невѣдомыя страны на сѣверъ; я думалъ: «вотъ гдѣ просторъ и раздолье, вотъ гдѣ можно пожить!» Грамотѣ началъ я учиться по псалтири у крестьянина-сосѣда, такъ какъ школъ въ нашихъ мѣстахъ въ то время не было, да и грамотныхъ людей вообще было немного.

Лѣтъ десяти я былъ страшно боленъ, на выздоровленіе не было никакой надежды, и мои родители дали обѣщаніе, если я поправлюсь, послать меня въ Соловецкій монастырь работать безплатно на цѣлый годъ. Я выздоровѣлъ и 15-ти лѣтъ былъ отправленъ въ Соловки. Тамъ меня опредѣлили на рыболовную тоню. Это занятіе мнѣ было какъ нельзя болѣе по душѣ, и я съ величайшимъ удовольствіемъ,

не замѣчая, какъ быстро летѣли дни, скитался по неизвѣданнымъ лѣснымъ озерамъ, ставилъ сѣти и ловилъ рыбу, или пускался въ море, и подолгу разъѣзжалъ тамъ между Сосновскими островами слушая пѣніе лѣтнихъ гостей—птицъ *).

Чрезъ годъ я вернулся домой, но душа моя еще больше куда-то неудержимо рвалась. Не интересовали меня игры и развлеченія моихъ сверстниковъ. Они, бывало, идутъ по праздникамъ въ свободное время на гулянья, въ хороводы, а я запираю ручей, дѣлаю прудъ, ставлю туда только-что сдѣланную модель лѣсопильнаго завода, видѣннаго мною въ Соловкахъ, и пускаю воду. Вода вертитъ водяныя колеса, и весь заводъ приходитъ въ движеніе. Отъ восторга прыгаю по зеленой травѣ—вотъ мое развлеченіе! Сижу, бывало, стругаю что-нибудь, задумаюсь и забуду свои крестьянскія работы. Придетъ отецъ, все переломаетъ, чтобы положить этому конецъ. Я долго-долго плачу, соберу остатки своихъ построекъ и снова тайкомъ отъ отца, гдѣ-нибудь въ пустой избѣ начинаю мастерить что-нибудь. Картинъ и рисунковъ я не видалъ никакихъ, кромѣ иконъ. Случилось, пріѣхали живописцы расписывать красноборскую церковь. Я пошелъ къ обѣднѣ и впервые увидѣлъ картину масляными красками, написанную на стѣнѣ. Это меня страшно поразило; въ особенности меня удивило то, что на плоскости можно добиться такого рельефа. Досталъ я себѣ книжку: «Родное слово» и съ увлеченіемъ сталъ срисовывать. Рисовалъ по ночамъ при дымной лампѣ, такъ какъ днемъ надо было работать, помогать отцу. Да и ночью работать рѣдко позволяли: попусту-молъ жгу керосинъ да и спать не даю.

*) Сосновскіе острова находятся съ сѣверной стороны главнаго Соловецкаго острова.

Долго боролся я съ неотступной мыслью оставить родительскій домъ. Наконецъ, 18-ти лѣтъ снова рѣшилъ попасть въ Соловки, чтобы тамъ поступить въ иконописную или механическую мастерскую. Иного выхода не было, такъ какъ для всякаго другого ученія нужны были деньги. Съ этой цѣлью я досталъ себѣ тихонько отъ отца годовой паспортъ, благодаря тому, что старшиной служилъ мой дядя, и уговорилъ мать весной пойти въ Соловки на недѣльку—поклониться святынѣ. Мать, не подозрѣвая ничего, согласилась на мои просьбы. Когда же мы попали въ Соловки, я сказалъ ей, что назадъ я съ ней не пойду, что у меня есть уже и паспортъ. Она сначала этому сопротивлялась, но за меня вступился строитель Сав-

ватіевскаго скита о. Іонаѳанъ (нынѣ архимандритъ Іонаѳанъ, настоятель Печенгскаго монастыря) и убѣдилъ мать не противиться моему стремленію. Сталъ я опять рыбакомъ въ Савватіевской пустыни, а потомъ былъ взятъ въ иконописную мастерскую, гдѣ и работалъ дни и ночи.

Въ 1885 году Соловецкій монастырь посѣтилъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ и обратилъ вниманіе на мои большіе успѣхи за 6 мѣсяцевъ. Въ 1886 году пріѣзжалъ въ Соловки ген. А. А. Боголюбовъ, который и вывезъ меня впослѣдствіи въ Петербургъ. Въ Петербургѣ я сначала поступилъ въ рисовальную школу Императорскаго общества поощренія художествъ, а затѣмъ вольнослушающимъ въ академію художествъ. Въ 1895 г. я сдалъ экзаменъ по научнымъ предметамъ и поступилъ въ число дѣйствительныхъ учениковъ.

Сначала я былъ ученикомъ И. И. Шишкина, а затѣмъ, когда тотъ оставилъ академію, я перешелъ къ А. И. Куинджи.

Въ 1896 году я сдѣлалъ путешествіе по Мурману и впервые попалъ на Новую землю. Сильное впечатлѣніе произвела на меня Новая земля: —ея мрачныя горы и вѣчные странники Ледовитаго океана—полярные льды. Во

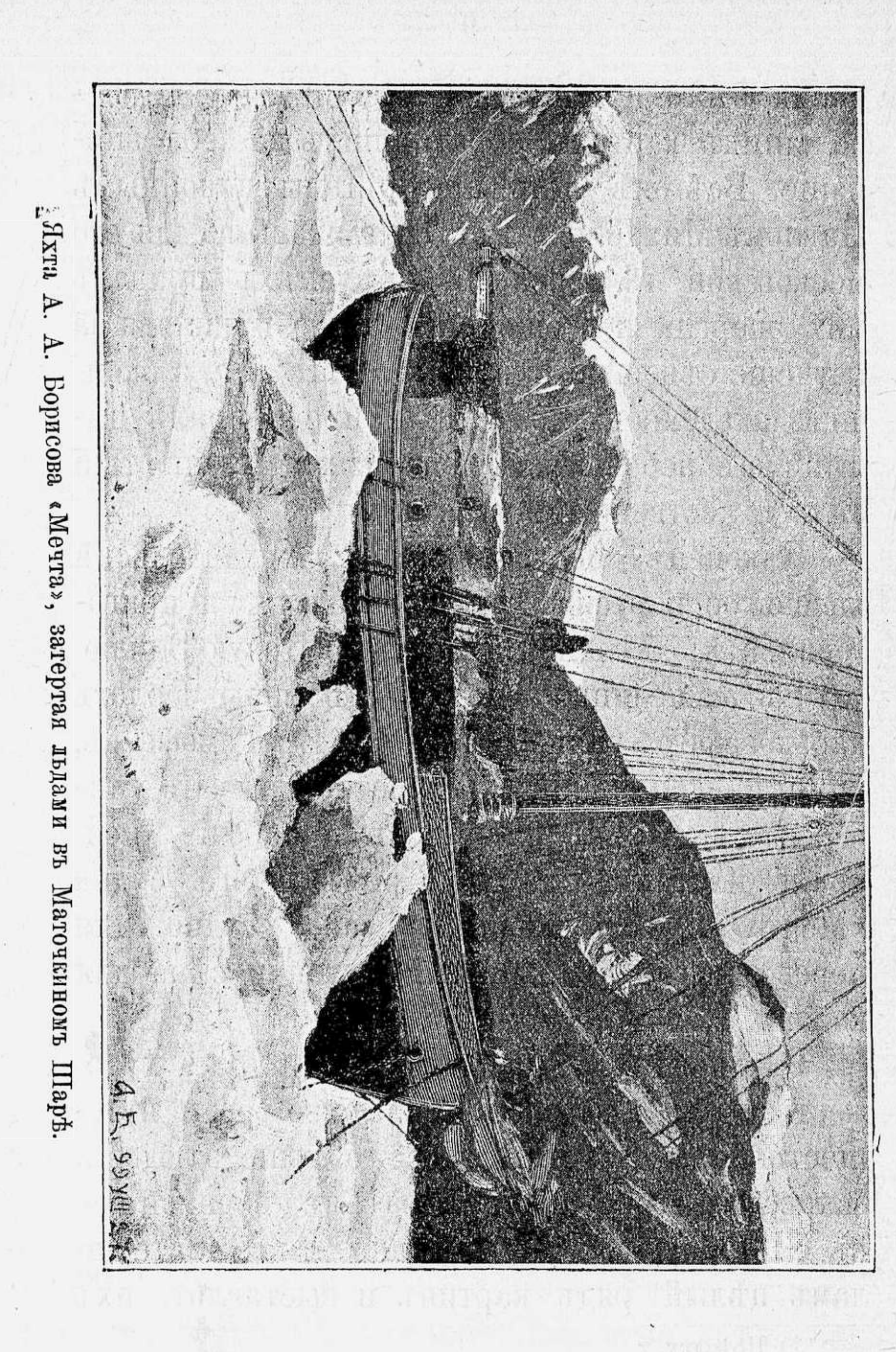
время этого путешествія я написалъ рядъ небольшихъ картинъ, обратившихъ на себя вниманіе. Всѣ онѣ были пріобрѣтены покойнымъ Павломъ Михайловичемъ Третьяковымъ для его московской галлереи. Этотъ успѣхъ придалъ мнѣ энергіи, и я еще ревностнѣе принялся за изученіе сѣверной природы. Въ 1897 г. я окончилъ академію художествъ и предпринялъ цѣлый рядъ небольшихъ полярныхъ путешествій съ художественными цѣлями.

Наконецъ, построивши въ Архангельскѣ маленькое парусное судно «Мечту», я приготовился къ большой поѣздкѣ на Новую Землю.

Въ экспедицію *) поѣхали со мною зоологъ харьковскаго университета Т. Е. Тимофеевъ, химикъ, окончившій курсъ петербургскаго университета, А. М. Филипповъ и рабочіе — печники, плотники и др. Кромѣ моего судна «Мечта», я еще нанялъ парусное судно для перевозки дровъ, каменнаго угля и сѣна для коровъ.

Главная цѣль моей экспедиціи была художественная: я задался мыслью во время путешествія написать какъ можно больше этюдовъ, эскизовъ и рисунковъ и затѣмъ, вернувшись въ Петербургъ, написать по этимъ матеріаламъ цѣлый рядъ картинъ и выставлять ихъ

*) Поѣздку.

Яхта А. А. Борисова «Мечта», затертая льдами въ Маточкиномъ Шарѣ.

по Россіи и за границей, чтобы познакомить общество съ далекими окраинами нашего сѣвера—дать истинную картину того таинственнаго міра, куда не ступала еще нога художника. Были у моей экспедиціи еще двѣ второстепенныя цѣли: чисто практическая и научная, мнѣ хотѣлось узнать, въ какомъ количествѣ водится на Новой Землѣ промысловый звѣрь—медвѣди, тюлени, песцы, олени, моржи, киты, а также и рыба, и нельзя ли эти сокровища вывозить; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы хотѣли послужить и наукѣ: сдѣлать описаніе не обслѣдованныхъ береговъ Новой Земли и собрать коллекціи мѣстныхъ растеній и животныхъ.

Прибывъ на Новую землю, мы первымъ дѣломъ приступили къ постройкѣ дома; матеріалы были мной туда перевезены заблаговременно. Только обезпечивъ себѣ зимовку, можно было двигаться на дальній сѣверъ. Въ концѣ августа нашъ домъ былъ готовъ, и мы, оставивъ въ немъ одного человѣка, ввосьмеромъ (я, зоологъ, самоѣдъ и команда) отправились на «Мечтѣ» проливомъ Маточкинымъ Шаромъ въ Карское море съ тѣмъ, чтобы при выходѣ изъ пролива слѣдовать далѣе къ сѣверу, насколько будетъ возможно, и устроить склады продовольствія для предстоящей санной поѣздки въ слѣдующемъ, 1901 году.

Маточникъ Шаръ на этотъ разъ былъ сильно загроможденъ льдами, и сто верстъ разстоянія еле удалось осилить въ двѣ недѣли. Когда мы попали въ Тюленью губу, насъ настигъ страшный штормъ. «Мечта» выдержала его блистательно. Послѣ шторма наступила тихая погода, и вѣтеръ едва-едва надувалъ паруса яхты. Мы двинулись къ Карскому морю и здѣсь впервые встрѣтились съ однимъ изъ мѣстныхъ царей. Слѣдя за удалявшимся берегомъ, я замѣтилъ на немъ вдали что-то бѣлое. Я подумалъ, что это ханипча (бѣлая сова). Взявши бинокль, я послѣ долгаго разсматриванія скорѣе чутьемъ, чѣмъ глазами, убѣдился въ своей ошибкѣ. Это былъ бѣлый медвѣдь. «Ошкуй»!—крикнулъ я своимъ, указывая на дальній берегъ. Всѣ встрепенулись, и не долго думая, спустили шлюпку. Сѣло насъ шестеро— я съ зоологомъ, самоѣдъ и три матроса. Быстро двинулись къ берегу. Мы старались пересѣчь медвѣдю путь. Медвѣдь же преспокойно шелъ вдоль берега, надъ обрывомъ, время отъ времени останавливался, подымалъ морду кверху и медленно поводилъ ею обнюхивая воздухъ. Скоро мы скрылись отъ него за однимъ мыскомъ, причалили и выскочили на берегъ. Взявъ по ружью, мы съ самоѣдомъ побѣжали наперерѣзъ медвѣдю. Засѣли и ждемъ его. Но

прошло нѣсколько минутъ, медвѣдя нѣтъ. Лежать жутко. Потихоньку, высматривая, подымаемся на бугорокъ, и видимъ, что хитрое животное, повидимому почуявшее насъ, кинулось въ воду и вплавь спасается отъ насъ. Мы моментально кинулись къ берегу, сѣли въ шлюпку и пустились преслѣдовать его. Медвѣдь былъ такой искусный пловецъ, что мы едва его нагоняли, несмотря на то, что у насъ на веслахъ сидѣло четверо дюжихъ гребцовъ. Когда мы уже были очень близко отъ него, онъ сталъ вдругъ нырять и оставался по долгу подъ водой. Подойдя къ нему совсѣмъ близко, мы сдѣлали два выстрѣла, и медвѣдь сталъ неистово кувыркаться въ водѣ, ожесточенно ударяя по водѣ лапами; но это была уже агонія; голова его безпомощно свѣшивалась. Еще два выстрѣла, и животное вытянулось. Зная хитрость и проворство медвѣдя, мы не рѣшались подойти къ нему, такъ какъ одного удара его сильной лапы было достаточно, чтобы разнести нашу утлую шлюпку вдребезги, а между тѣмъ мясо его было намъ необходимо для кормежки собакъ. Осторожно подойдя на разстояніе 2—3 саженъ, я кинулъ гарпунъ и шлюпка сейчасъ же отпрянула прочь. На оборѣ гарпуна медвѣдь и околѣлъ. Мы притянули его къ борту «Мечты» и подняли на палубу.

Но тутъ начались наши испытанія. Толстый ледъ обступилъ нашу «Мечту» и не пускалъ ее въ свое царство. Хотя всѣ паруса были подняты, и вѣтеръ дулъ довольно сильный, «Мечта» не двигалась съ мѣста. Приходилось искать себѣ путь въ новомъ тонкомъ льду и прорубать его топорами, пѣшнями и ломами; такъ еле-еле добрались мы до залива Чекина. Температура воздуха упала до—7° Ц., въ водѣ было почти—2° *), да и время года было уже позднее—вторая половина сентября по старому стилю; а потому мы рѣшили всѣ припасы, предназначавшіеся для нѣсколькихъ складовъ, выгрузить въ одномъ мѣстѣ, именно здѣсь у залива Чекина, а самимъ на «Мечтѣ» двинуться къ зимовью обратно въ Тюленью губу при восточномъ устьѣ пролива «Маточкинъ Шаръ». На обратномъ пути полярные льды прижали насъ къ берегу. Все смерзлось, засыпало снѣгомъ, поднялась страшная метель съ жестокимъ вѣтромъ. Зима, видимо, уже настала. Но спустя недѣлю льды пришли въ движеніе, и начали трескаться; между ними образовались широкія щели. Льды точно таранами били наше судно, все въ каютѣ летѣло съ своего мѣста. За судно я не боялся; оно было построено

*) Соленая вода — замерзаетъ при температурѣ гораздо ниже 0°.

очень крѣпко и обшито желѣзомъ, чтобы не измочалило льдомъ деревянную его обшивку.

Мы прибуксировались къ громадной ледяной

Карта Новой земли. Маршрутъ экспедиціи А. А. Борисова.

горѣ, идущей къ югу и вмѣстѣ съ нею подвигались по направленію къ Маточкину Шару. Хотя и со страшнымъ трудомъ, но все же мы

приближались къ проливу. Оставалось какихънибудь верстъ шесть, какъ вдругъ мы замѣтили, что совершенно оцѣпившій насъ сплошной ледъ медленно увлекаетъ насъ къ юго-востоку, все дальше и дальше отъ желаннаго берега. Мнѣ, бывавшему не разъ въ полярныхъ льдахъ, да и другимъ моимъ болѣе опытнымъ спутникамъ стало ясно, что добраться на «Мечтѣ» до Маточкина Шара намъ немыслимо. «Мечта», какъ ни была крѣпка, все же не была приспособлена для зимовки. Помѣщеніе въ ней было довольно тѣсное, палуба тонка и неминуемо начала-бы промерзать, появилась бы сырость, а за нею и обычный бичъ сѣвера—цынга. Да и помимо того, если бы мы всѣ и выжили и вернулись впослѣдствіи домой, вся наша жизнь здѣсь, полная лишеній, была бы безцѣльна; мы ничего не добыли бы, такъ какъ были слишкомъ далеко отъ Новой Земли, цѣли нашей экспедиціи, отъ складовъ всякихъ научныхъ инструментовъ, холстовъ, красокъ и т. п. и, слѣдовательно, вся экспедиція, стоившая столькихъ силъ, заботъ и матеріальныхъ средствъ, свелась бы ни къ чему.

Разсудивъ все это, я собралъ совѣтъ товарищей. Рѣшено было бросить судно. Не мѣшкая, хотя и скрѣпя сердце, мы оставили 27-го сентября нашу «Мечту» и, взявъ шлюпки.

двинулись по льду пѣшкомъ къ берегу. Запасы, одежды, наиболѣе цѣнныя для насъ вещи,—коллекціи и этюды, — мы погрузили на двѣ шлюпки и на тузикъ (небольшая лодка).

Вначалѣ путь былъ сносенъ. Пробивая баграми новый ледъ между огромными торосами и образовывая такимъ образомъ узкій каналъ, мы тащили шлюпки и пробирались по льду сами. Но ледъ дѣлался все толще и толще и идти становилось все труднѣе и труднѣе: льдины нагромождены были въ безпорядкѣ другъ на друга. Мы постоянно проваливались въ снѣгъ выше колѣна. Снѣгъ этотъ, пропитанный соленой водой и представлявшій отвратительную жидкую массу въ родѣ клейстера, прилипалъ къ шлюпкамъ и задерживалъ ихъ движеніе. Теченіемъ же насъ все относило дальше отъ берега къ югу. Переночевавъ на плавучемъ льду, мы убѣдились къ утру, что со шлюпками мы не пробьемся къ берегу и въ мѣсяцъ, а потому, побросавъ ихъ вмѣстѣ съ массой вещей, даже такихъ цѣнныхъ, какъ фотографическій аппаратъ, запасныя одежды, часть сухарей, нѣсколько ружей, палатку и проч., мы взяли съ собою лишь самое необходимое и маленькій тузикъ, на случай если придется переправляться черезъ трещины между льдинами. Соорудили

изъ лыжъ сани, наложили туда часть сухарей, малицы (самоѣдскія шубы въ видѣ рубахи съ длинными рукавами) и еще кое-какія вещи; мы съ Тимофеевымъ запряглись въ нихъ, матросы потащили тузикъ, нагруженный самыми дорогими для насъ вещами, а самоѣдъ Устинъ повезъ на собакахъ два ящика консервовъ и половину убитаго медвѣдя для корма собакамъ.

Мы не шли, а скользили. Ледъ былъ очень гладкій, но страшно тонкій. Попробуешь ударить палкой, — онъ ломается. Назадъ отступать тоже нельзя, поневолѣ приходилось идти впередъ. Но что это было за движеніе впередъ! Вотъ чувствуешь какъ-то инстинктивно, — ледъ сейчасъ подъ тобой подломится, моментально падаешь на него врастяжку, чтобы расширить площадь опоры, и, какъ чурбанъ, откатываешься отъ этого ужаснаго мѣста въ сторону.

Прошли мы такъ нѣсколько часовъ, вдругъ слышимъ, сзади съ самоѣдомъ случилось несчастье. Онъ попалъ на такіе льды, которые быстро стали разрываться, и образовались широкія щели; собаки провалились и стали тонуть и давиться въ упряжкѣ. Онъ обрѣзалъ имъ постромки, и несчастныя лайки разбрелись по льдамъ. Всѣ наши припасы, всѣ консервы

погибли. Одно спасенье — поскорѣе добраться до берега, до жилья какого-нибудь самоѣда. Предъ нами виднѣется мысъ; но только-что появляется у насъ мысль попасть на него, какъ теченіемъ относитъ насъ далеко въ сторону... Вотъ предъ нами высится на мели неподвижно ледяная гора. Хорошо бы попасть на нее, а оттуда перебраться на тузикѣ къ берегу, выждавъ благопріятный вѣтеръ съ моря! Мы напрягаемъ всѣ силы чтобы добраться до этой горы. Изнеможенные падаемъ на ледъ, снова вскакиваемъ, снова идемъ; но, Господи, послѣдняя надежда достигнуть цѣли пропала! Нѣтъ силы бороться съ ужаснымъ теченіемъ. Насъ относитъ къ югу!.. Мы видимъ зеленоватый цвѣтъ ледяной горы, ея причудливыя карнизы... Мы видимъ, какъ она со страшнымъ грохотомъ и стономъ, словно мочучій таранъ разламываетъ наскакивающіе на нее льды... Вотъ кажется, рукой подать, и мы спасены... Но нѣтъ, насъ опять уноситъ въ безконечную ширь. Въ отчаяніи, изнеможенные, падаемъ мы на снѣгъ... Однако уныніемъ горю не поможешь. Снова вскакиваемъ и снова двигаемся впередъ.

Перебираясь съ одной льдины на другую, мы попадаемъ наконецъ въ область льдовъ, которые, какъ кажется, быстро несутся къ сѣверу. Это былъ обманъ зрѣнія: насъ отно-

сило къ югу, а тѣ льды стояли неподвижно (береговые припаи). Всѣ обрадовались! А между тѣмъ предъ нами открывалось страшная картина. У припаевъ возлѣ берега творится нѣчто невообразимое: огромныя льдины вертятся, прыгаютъ, съ грохотомъ, и стономъ, вздымаются вверхъ, опять низвергаются внизъ и исчезаютъ тамъ въ мелкихъ осколкахъ разбитаго льда.

Нечеловѣческія усилія нужны для того, чтобы пробраться чрезъ эту ледяную заставу. Къ счастью, край припая не совершенно ровный,— на немъ есть мысы, заливы бухточки, и подъ прикрытіемъ мыса можно перебираться дальше. Одинъ изъ нашихъ матросовъ, особенный смѣльчакъ, прыгаетъ на гигантскій ледяной валъ, закрѣпляетъ конецъ веревки за какой-то выступъ; канатъ натягивается, и изъ подъ шлюпки моментально выскакиваетъ та льдина, на которой она сидѣла. Шлюпка становится на мелкій битый ледъ въ глубинѣ заливчика; мы быстро перескакиваемъ, перекидываемъ вещи и, наконецъ втаскиваемъ шлюпку.

Но и это все еще не неподвижный ледъ. То и дѣло образуются трещины, и на каждомъ шагу намъ грозитъ сложная переправа чрезъ нихъ.

Пройдя саженъ двѣсти, мы попали въ область льда, страшно заваленнаго снѣгомъ: это вѣрный признакъ его неподвижности. Идти по этому льду еще труднѣе. Идешь по пушистой поверхности и вдругъ проваливаешься, въ скрывшіяся подъ снѣгомъ полыньи и трещины. Снѣгъ, покоящійся прямо на водѣ начинаетъ втягивать. Надо торопиться подхватывать другъ друга.

Совершенно измокшіе, мы рѣшили хоть немного отдохнуть. Сдѣлали себѣ убогую защиту отъ вѣтра, положивъ тузикъ на бокъ дномъ на вѣтеръ, а головами воткнулись въ него. Легли врастяжку прямо на мокрый снѣгъ. Такъ мы отдыхали часа четыре. Я проснулся первымъ и вижу: все кругомъ тихо, метель прекратилась. Говорю своимъ, что надо идти, не то насъ, чего добраго, оторветъ и понесетъ дальше въ море.

Сдѣлали два перехода саженей въ 200, и къ нашему ужасу видимъ, что насъ уже оторвало; предъ нами рѣка, — широкая, какъ Нева. И чрезъ эту рѣку нужно переправляться на нашей скорлупкѣ. Три матроса отправились на немъ первые на ту сторону; выкинули тамъ вещи. Одинъ изъ нихъ вернулся обратно. Сѣли мы съ Тимофеевымъ. Пока же разстояніе между льдиной, на которой находились мы, и той, куда переправились другіе, все увеличивалось.

Когда я со своимъ спутникомъ переѣхалъ на ту сторону и шлюпку отправили за оставшимися, то ихъ уже настолько далеко унесло, что между ледяными торосами ихъ и не видно было.

Какъ только шлюпка отошла за оставшимися товарищами, мы начали перетаскивать наши вещи съ края льдины подальше къ серединѣ, чтобы подвинуться въ это время къ землѣ хоть на нѣсколько аршинъ. Вдругъ накатилась сильнѣйшая зыбь, и ледяная гора, на которой мы надѣялись основаться на нѣкоторое время, пришла въ движеніе и начала разваливаться на мельчайшіе куски.

Положеніе отчаянное. Мы видимъ, какъ почва разверзается и исчезаетъ всякая опора подъ нашими ногами. Цѣпляемся за большіе куски льда, взбираемся наверхъ, ложимся врастяжку, чтобы увеличить площадь опоры, но зыбь все больше разрываетъ ледъ; кругомъ растутъ трещины. Перепрыгнуть чрезъ нихъ—нечего и думать, переплыть?... да вѣдь мокрый сію же минуту замерзнешь при такомъ холодѣ и вѣтрѣ! А вещи, выгруженныя въ разныхъ мѣстахъ, пока погибаютъ, вотъ уже и малицы--единственную нашу защиту отъ мороза и непогоды, и спальный мѣховой мѣшокъ уноситъ отъ насъ, такъ что намъ полуживымъ и про-

мокшимъ до послѣдней нитки, грозитъ опасность закоченѣть въ первую же ночь.

Мы кричимъ изо всей силы въ пространство: «скорѣй пріѣзжайте, все погибло!» Ни слова въ отвѣтъ. Ну,—думаемъ,—все кончено! Они утонули. Стоитъ троимъ сѣсть на нашъ тузикъ, и уже бортъ только на дюймъ надъ водой, а когда четверо сядутъ, то еще того меньше.

Да, все кончено! Они утонули, а значитъ и намъ предстоитъ еще болѣе ужасная смерть!... Мы будемъ коченѣть и замерзнемъ въ первую же ночь непремѣнно на этихъ отвратительныхъ льдахъ, даже не простившись другъ съ другомъ, не обнявшись, потому, что мы всѣ находились на разныхъ кускахъ льда.

Все кругомъ мертво. Прошло четыре часа. Вдругъ мы слышимъ голосъ. Опять блеснула надежда. Господи, еще не все потеряно!... Вотъ наши спасители, они не утонули; они подплываютъ къ намъ! Когда они подплыли къ намъ, мы имъ только крикнули: «возьмите лишь ружье и патроны, да малицы захватите». Каждый моментъ промедленія, каждая лишняя тяжесть могла стоить жизни намъ всѣмъ. Они такъ и не успѣли взять ничего больше. Собрали насъ при помощи тузика на одну довольно крупную льдину.

Оказалось, что они были на волосокъ отъ смерти. Ихъ отнесло теченіемъ страшно далеко, и они не могли слышать нашего голоса, а затѣмъ шлюпка дала вдругъ течь. Къ счастью одинъ изъ матросовъ догадался заткнуть отверстіе ногой, обутой въ пимы (мягкая обувь). Только успѣли подплыть ко льдинѣ, — какъ шлюпка была уже полна водой! Матросъ ловко выскочилъ на льдину и подхватилъ шлюпку; всѣ остальные его спутники сейчасъ тоже выскочили. Вытащили шлюпку на ледъ; вылили воду и, законопативъ дыру носкомъ, опять пустились въ нашу сторону. Такъ они бились четыре часа. Когда мы, вытащили шлюпку на ледъ, то прямо-таки въ ужасъ пришли: все дно ея было пробито. Оказалось, что мы вчера тащили ее по новому льду, острыя льдинки пробили ей пока дно, и она раньше не текла потому лишь, что законопатилась мокрымъ снѣгомъ. Во время нашего четырехчасового отдыха въ прошлую ночь снѣгъ этотъ замерзъ, и такимъ образомъ получились своего рода заклепки, спасшія насъ отъ гибели. Видимо, одна изъ этихъ заклепокъ во время переѣзда по водѣ оттаяла и выскочила.

Поблагодаривъ Бога за чудесное спасеніе, мы рѣшили передохнуть. Идти дальше безъ шлюпки нельзя было; нужно ее зачинить, а

матеріаловъ никакихъ. Но чувство самозащиты и желаніе жить во что-бы то ни стало очень изощряютъ изобрѣтательность. Отрубили мы отъ веселъ небольшие кусочки, раскололи ихъ на дощечки и набили ихъ на отверстія, предварительно подложивъ подъ дощечки мягкіе обрѣзки отъ подола малицъ.

Однако намъ нечѣмъ укрыться, нѣтъ палатки, скоро будетъ нечего и ѣсть. Нѣтъ, нельзя мѣшкать! Пока еще есть остатки силъ, нужно попытать счастья. И вотъ я рѣшился на крайнюю мѣру: предложилъ бросить жребій. Трое изъ насъ могли бы съ помощью починенной шлюпки кое-какъ добраться до берега, — нужно было сдѣлать всего одинъ переходъ. Если же двинуться всѣмъ, то придется высаживаться по очереди со льдины на льдину, возвращаться въ шлюпкѣ нѣсколько разъ за оставшимися, да еще каждый разъ дѣлать всё бóльшие переходы, такъ какъ льдины расплываются, и разстоянія все увеличиваются. И тогда какія-нибудь верстъ десять возрастутъ до пятидесяти.

Среди насъ было трое женатыхъ: самоѣдъ Устинъ, матросы Акуловъ и Поповъ, и у нихъ были дѣти, а потому я предложилъ имъ оставить насъ и идти однимъ, дабы вѣрнѣе достичь берега.

— Отправляйтесь прямо на шлюпкѣ втро-

емъ. Вы попадете на берегъ. Тамъ уже Устинъ васъ прокормитъ: онъ прекрасный стрѣлокъ. На берегу разведете костеръ изъ плавучаго лѣса, обсушитесь, убьете оленя, устроите себѣ палатку, отдохнете; затѣмъ пойдете дальше, придете въ нашъ домъ. Тамъ вы можете провести не только годъ, а даже два; тамъ всего вдоволь. Лѣтомъ придетъ пароходъ и заберетъ васъ съ собой. Пріѣдете домой и повѣдаете о нашей участи.

Трофимъ Акуловъ заплакалъ и говоритъ:

— Нѣтъ, мы не поѣдемъ. Ты только подумай:—вѣдь если мы вернемся живыми, а васъ не будетъ, да вѣдь мы всю жизнь мучиться будемъ. Какая ужъ это будетъ жизнь!

— Славно умѣли помирать русскіе люди, умремъ и мы,—добавилъ зоологъ Т. Е. Тимофѣевъ.

— Если такъ,—будемъ помирать вмѣстѣ!—отвѣтилъ я, гордясь своими молодцами спутниками. Мнѣ было пріятно сознавать, что живъ еще среди нашихъ поморовъ мощный духъ, что въ груди ихъ еще живетъ искра отваги и энергіи. Нужно только умѣть и желать раздуть эту искру, и она запылаетъ могучимъ огнемъ, и снова наши сѣверныя моря станутъ нашими морями...

Наша крѣпкая семья, сплоченная одина-

ковой для всѣхъ насъ перспективой близкой гибели, рѣшила бороться и идти впередъ до изнеможенія, въ надеждѣ что хоть кто-нибудь изъ насъ да доберется до берега. Помимо нравственныхъ мукъ, мы страшно страдали отъ жажды. Какъ безумные, набрасывались мы на снѣгъ, жевали его, глотали; но проходило нѣсколько минутъ, и жажда еще больше усиливалась. Полжизни готовы были отдать за ковшъ теплой воды. Матросы разгребали снѣгъ на льду и жадно накидывались на небольшія лужицы воды подъ нимъ, но они не замѣчали, что она соленая, и отъ нея еще больше разжигалась страшная жажда.

По счастью, завидѣли мы тюленя. Убили его и, какъ хищные звѣри, накинулись на его кровь. Она утолила намъ жажду и, кромѣ того, возстановила силы. Разрѣзали тюленя на куски, стали ѣсть его мясо, и глотать ворвань.

Благодаря тюленю, у насъ явилась возможность согрѣвать немного воды. Мы нарѣзали мелко, какъ спички, дерево, сдѣлали изъ консервной жестянки нѣчто въ родѣ подноса; затѣмъ обмазали палочки ворванью и подожгли; время отъ времени подбавляя жиру, мы устроили себѣ такимъ образомъ очагъ. Дерево сгорало, оставались уголья, но они безъ конца горѣли, лишь бы подбавляли жиру. Мы бе-

регли каждую щепочку, бумажку, тряпочку — все это былъ для насъ драгоцѣнный матеріалъ, — въ нихъ теплилась искра нашей жизни. Вѣдь мы были тогда въ полной неизвѣстности, сколько времени еще будемъ носиться по океану на блуждающихъ льдахъ.

Такимъ путемъ мы нагрѣвали себѣ воду градусовъ до 35, и дѣлили каждому по половинѣ чайной чашки. Эта, на обычный вкусъ отвратительная, подогрѣтая, солоноватая вода казалась намъ лучшимъ питьемъ и прекрасно утоляла жажду.

Такъ мы носились по волѣ вѣтра и теченія до 3-го октября, когда вдругъ замѣтили, что на ледяной поверхности образуются своего рода складки. Мы сообразили, что ледъ встрѣтилъ гдѣ-то какую-то преграду. Утромъ я спрашиваю самоѣда Устина.

— Видать-ли берегъ? Далеко-ли?

— Видать, да далеко. Только я чую дымъ чумовой (чумъ—самоѣдская юрта), да и собаки лаютъ.

Но лаю собакъ нельзя было придавать значенія. Вѣдь это могли лаять наши же тридцать собакъ, которыхъ разнесло на льдинахъ по морю. Какъ они отчаянно выли! Этотъ раздирающій душу жалобный вой издыхавшихъ

отъ голода собакъ цѣлые дни стоялъ у насъ въ ушахъ.

Но дымъ чумовой? Нѣтъ, не можетъ быть!?. Матросы засмѣялись даже надъ самоѣдомъ — до того это казалось невѣроятнымъ. Устинъ сконфузился.

— Ну, —говорю я своимъ:—надо вставать, согрѣть воды и идти впередъ.

У насъ еще было немного сухарей; правда они размокли, но мы съ жадностью съѣли ихъ по ложкѣ: больше ѣсть не смѣли—нужно было думать о будущемъ. Тюленьяго же мяса и ворвани было вдоволь.

На насъ все было мокро. Одежда износилась; малицы повытянулись—пришлось ихъ обрѣзать. Въ рукавахъ шерсть вылѣзла.

Напились чаю; собственно чаю у насъ уже не было, а мы такъ называли смѣсь какао съ тепловатой водой. Нужно идти, а какъ идти, когда еле ноги переставляешь? Сидишь, уткнувшись въ снѣгъ, и не хочешь ни говорить, ни смотрѣть другъ другу въ глаза. Да и о чемъ говорить? Все уже переговорено. У всѣхъ только одна мысль о смерти. Засыпая вечеромъ, не надѣешься еще разъ увидѣть разсвѣтъ... И боишься взглянуть другому въ лицо. И такъ медленно, цѣлой вѣчностью тянутся минуты безмолвія, нарушаемаго лишь трескомъ льдовъ.

Меня это чувство угнетало больше всѣхъ. Я вѣдь былъ главный виновникъ. Я привелъ ихъ сюда. Но можетъ быть именно это сознаніе страшной отвѣтственности за семь человѣческихъ жизней придавало мнѣ силы до послѣдней минуты.

Я вышелъ изъ-подъ шлюпки на льдину и вижу: вдали темнѣется какое-то конусообразное пятно; надъ нимъ мерещатся шесты. Къ сѣверу вижу еще такое же пятно, только поменьше. Наконецъ, вглядываясь, замѣчаю еще двѣ какія-то точки, которыя плаваютъ между этими пятнами. Что это? Птицы? Зачѣмъ же имъ такъ странно летать? Напрягаю всю свою зоркость, буквально весь ухожу въ глаза. Стало яснѣть, и я убѣдился, что это чумъ, люди!

Предлагаю посмотрѣть въ бинокль. Трофимъ Акуловъ смотритъ: ничего не видитъ. Меня это начинаетъ даже злить. Я хочу собрать у всѣхъ послѣднія силы, вызвать послѣднюю вспышку энергіи.

Я велю стрѣлять. Мы слышимъ вскорѣ затѣмъ отвѣтный выстрѣлъ. Значитъ, я не ошибся. Это люди, они видятъ насъ и понимаютъ.

Съ громкимъ крикомъ «ура», точно на непріятельскую позицію, ринулись мы впередъ по льду и снѣжнымъ сугробамъ. Силы пришли

сами собою. Теперь намъ ничего не страшно. Мы мокнемъ, не разбирая, лѣземъ въ воду, карабкаемся дальше, впередъ—туда, къ спасительной цѣли, гдѣ сможемъ и обогрѣться, и обсушиться.

Вдругъ видимъ:—самоѣды отдѣлились, двинулись впередъ, въ нашу сторону. Это они поѣхали на саняхъ. Несомнѣнно это самоѣды. Поѣхали на перерѣзъ прямо на насъ. Вотъ они уже настолько приблизились, что можно перекликаться: понятно, приходилось кричать, что было мочи.

Насъ унесло больше чѣмъ, на 200 верстъ, къ югу; здѣсь уже берега Новой земли гораздо ниже, чѣмъ у Маточкина Шара, поэтому мы ошибались, думая, что мы теперь далеко въ морѣ, на самомъ же дѣлѣ мы были гораздо ближе къ берегу.

Вотъ мы ясно разбираемъ, какъ самоѣды кричатъ:

— Есть ли у васъ лодка?

Мы отвѣчаемъ:

— Очень маленькая.

— Тогда мы поѣдемъ за лодкой,—раздается съ ихъ стороны.

Двое изъ нихъ поѣхали за лодкой. Въ это время палъ сильный туманъ и застлалъ все кругомъ. Снова настали страшныя минуты.

Самоѣдъ Максимъ Пырерка, 85 лѣтъ, праотецъ Новоземельскій.

Спасеніе такъ близко и неужели опять насъ оторветъ и понесетъ прочь. Столько дней борьбы за жизнь,— неужели напрасно!...

Самоѣды ѣздили около часа, но это показалось намъ вѣчностью. Они привезли дѣйствительно шлюпку. Прошло еще нѣсколько времени — мы даже не могли опредѣлить, сколько,—и вотъ кудлатыя головы самоѣдовъ мало-помалу стали вырисовываться въ туманѣ. Прошло еще 3—4 минуты, и я узналъ этихъ самоѣдовъ. Какая прихотливая игра судьбы! Это были мои старые знакомые; еще въ 1896 г. жилъ я съ ними во время путешествія.

Мы раздѣлились по шлюпкамъ и двинулись всѣ однимъ разомъ. Скоро мы пробились уже на такой ледъ, который лишь чуть-чуть двигался. Здѣсь присоединились къ намъ еще два самоѣда, которые стали помогать намъ тащить шлюпки. Еще переходъ, и насъ ждали уже сани съ собаками. Мы сложили на нихъ наши жалкіе пожитки, а сами пошли пѣшкомъ.

Наконецъ, мы вступили на землю. Да, это были камни, мы смѣло можемъ идти впередъ! Побросавъ все съ саней, мы усѣлись на нихъ сами, и собаки помчали насъ въ чумъ.

Никогда въ жизни мнѣ не приходилось, да и врядъ ли придется, испытать еще разъ такое состояніе духа, какое было у меня и у

всѣхъ насъ, въ эти первыя минуты. Хотѣлось прыгать, плясать, бѣжать безъ конца, безъ цѣли. Мы съ Тимофеевымъ взяли винтовку и пошли по берегу къ сѣверу. Все время брели глубокимъ снѣгомъ. Зачѣмъ? Куда? Мы сами не знали, но оставаться на одномъ мѣстѣ мы не могли. Наткнулись на какой-то крестъ. Богъ вѣсть, кто нашелъ подъ нимъ себѣ упокоеніе!

Только послѣ того, какъ мы сдѣлали верстъ десять въ оба конца, мы вернулись обратно въ чумъ, напились, поѣли мяса и заснули.

Какое счастье было сознавать на другое утро, когда мы проснулись, — что мы не на пловучемъ льду, а на берегу. Всю ночь вѣтеръ дулъ съ берега, и льды далеко отнесло въ море. Если бы мы не попали вчера, то несомнѣнно погибли бы въ эту ночь.

Но судьба, разъ улыбнувшись намъ, не удовольствовалась этимъ. Оказалось, что судно наше прибило теченіемъ сюда же къ берегу. Несомнѣнно, что здѣсь существуетъ постоянное теченіе съ сѣвера къ югу.

Самоѣды выѣзжали наканунѣ на «Мечту», подтянули ее ближе къ берегу, а мы отправились на нее: сняли съ судна такелажъ, взяли провизію, шкуры, однимъ словомъ, забрали все, что можно и нужно было намъ. Самую же яхту пришлось обречь на погибель, такъ какъ

простоять зиму здѣсь она врядъ ли могла. Мы рѣшили, если она выстоитъ, взять ее на слѣдующій годъ.

Здѣсь у самоѣдовъ мы прожили около двухъ недѣль. Гостепріимство ихъ недаромъ стало легендарнымъ. Они угощали насъ всѣмъ, чѣмъ могли, надѣлили одеждой, обувью.

Намъ предстоялъ отсюда еще трудный и далёкій путь: до нашего дома въ Поморской губѣ было около 400 верстъ.

Мы двинулись въ путь пѣшкомъ. Тяжело идти въ этихъ мѣстахъ: день короткій, ночь долгая, безпросвѣтная. Но передо мною, какъ художникомъ, на каждомъ шагу развертывались картины одна интереснѣе другой. Масса свѣтовыхъ эффектовъ, изумительные переливы тоновъ и красокъ; въ особенности я пораженъ былъ ими на рѣкѣ Бѣлужьей. Но писать нельзя было: у меня не было ни красокъ, ни холстовъ: все пришлось побросать во время нашихъ блужданій по льду. Всѣ этюды этого лѣта также погибли. Да и надо было спѣшить въ нашъ домъ, пока еще не застигли насъ зимніе снѣжные ураганы.

Недѣлю шли мы до становища Малыя Кармакулы. Тамъ встрѣтили мы очень радушный пріемъ въ домѣ мѣстнаго батюшки о. Дороѳея, и фельдшера.

Отецъ Дороѳей живетъ въ Малыхъ Кармакулахъ уже три года, исполняетъ среди христіанъ-самоѣдовъ разныя требы и между прочимъ, несмотря на свой монашескій санъ, совершаетъ вѣнчанія. Простой, добрый старецъ

Группа самоѣдовъ Новой земли.

пользуется громаднымъ уваженіемъ у своей паствы. Закинутый за тысячу верстъ отъ всего культурнаго, живого, онъ свято исполняетъ свой высокій долгъ, внося свѣтъ Христовъ въ темныя души мѣстныхъ самоѣдовъ.

Когда мы направились изъ Кармакулъ къ

Маточкину Шару, настала оттепель. Подулъ западный вѣтеръ, и повалилъ не то дождь, не то сырой снѣгъ. Все у насъ и на насъ размокло. Потомъ наступилъ вдругъ сильный морозъ и налетѣлъ рѣзкій вѣтеръ. Все мокрое на насъ замерзло. Это было какъ разъ въ Грибовой губѣ. Тутъ, по счастью, нашлась избушка, сооруженная когда-то самоѣдомъ Ѳомой Вылкой изъ стараго, развалившагося дома промышленниковъ. Правда, она была вся въ дырьяхъ, но все же давала хоть какую-либо защиту, если не отъ мороза, то по крайней мѣрѣ отъ вѣтра.

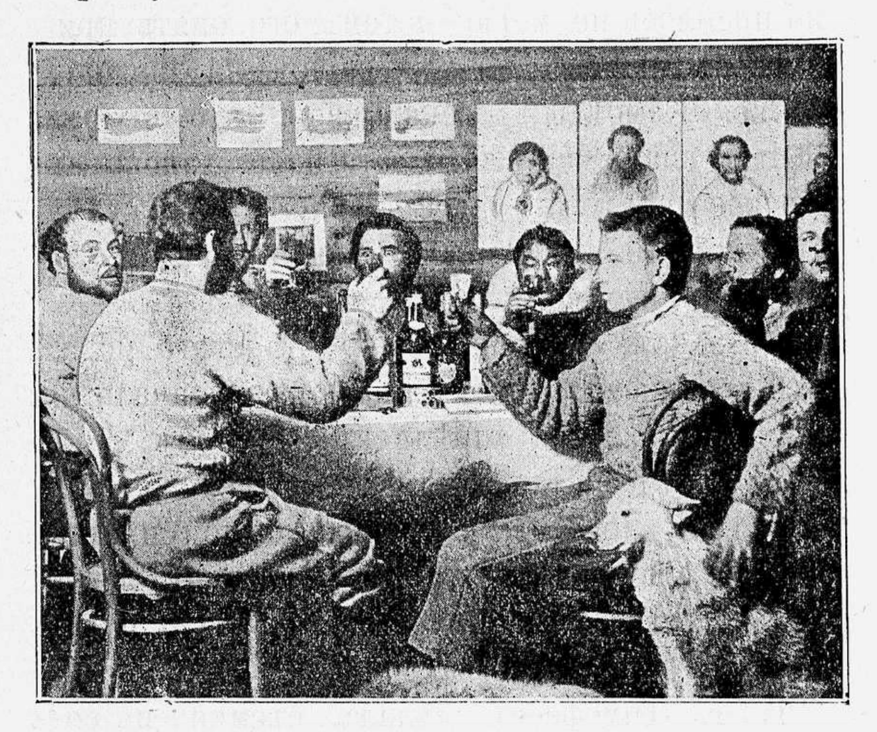
Набрали мы плавника (пловучаго лѣса) затопили очажокъ, отогрѣлись и повеселѣли. Улеглись спать. Ночью не обошлось безъ комическихъ сценъ съ нашими матросами. Перспектива всего 20-ти остающихся до дома верстъ, несмотря на усталость и лишенія, настраивала насъ на смѣшливый ладъ. Одинъ матросъ, измученный, какъ сѣлъ на полу на снѣгъ отдохнуть, такъ и примерзъ. Не будучи въ силахъ встать, онъ кричитъ другому: «помоги встать!»— Но тотъ самъ въ такомъ же безпомощномъ положеніи. Малица примерзла. Третій матросъ оказался посмышленѣе. Онъ, предвидя такую оказію, влѣзъ въ малицу обратно—съ подола ногами впередъ и такимъ образомъ вылѣзть ему

изъ нея назадъ было нетрудно. Онъ помогъ также и товарищей отодрать отъ пола. Потомъ кое-какъ размяли мы замерзшую одежду и двинулись въ путь. Цѣль была уже близка и влекла къ себѣ, заставляя забывать все кругомъ: и стужу, и голодъ, и жажду.

Наконецъ, 31-го октября мы попали въ нашъ домъ. Онъ показался намъ раемъ. Принялись приводить все въ порядокъ; работа закипѣла у всѣхъ, и мы совершенно не замѣтили, какъ пролетѣла зима. Притомъ мы совершенно не испытали того гнетущаго впечатлѣнія, на которое жалуются другіе путешественники отъ долгой полярной ночи. Съ радостнымъ, теплымъ чувствомъ вспоминаю я до сихъ поръ, какъ мы провели эту зиму: у насъ не было ни цынги, ни какихъ другихъ болѣзней. Хотя у насъ и былъ большой запасъ консервовъ, но намъ мало приходилось ихъ ѣсть: подъ руками у насъ была прекрасная живая пища — въ окрестностяхъ паслось множество оленей, которыми мы и питались все время.

Въ теченіе зимы я писалъ пастелью и дѣлалъ рисунки углемъ на бумагѣ. 11-го апрѣля мы съ зоологомъ Тимофеевымъ и съ двумя самоѣдами отправились на Карскую сторону. Одинъ изъ самоѣдовъ скоро сбѣжалъ отъ насъ, боясь, видимо, чтобы не повторилась осен-

няя исторія. Мы взяли съ собой собакъ, но онѣ везли на саняхъ лишь наше имущество, сами же мы шли пѣшкомъ. Часто приходилось еще подсоблять собакамъ. Снѣгъ былъ очень крѣпкій и гладкій: и мы шли, какъ по паркету.

Встрѣча Новаго года и новаго столѣтія на Новой землѣ.

Отправляясь на Карскую сторону, я далъ инструкціи штурману Хохлину и матросамъ Ѳедору Еремину, Акулову и Попову (всѣ трое ходили капитанами на поморскихъ судахъ) идти сначала въ Кармакулы, а оттуда дальше про-

браться къ нашему судну, снарядить его и ожидать на немъ открытія навигаціи. Но они дошли лишь до Кармакулъ и дальше не пошли къ судну, вѣроятно, испугавшись опасностей пути.

По словамъ самоѣдовъ оказалось, что судно наше зимой оторвало отъ берега, и двѣ недѣли оно носилось по морю; потомъ его опять прибило къ берегу, но уже верстъ на двадцать южнѣе. Самоѣды разсказывали, что въ маѣ 1901 г. когда всѣ льды отогнало далеко въ Карское море, было такое время, что отъ судна до открытой воды была всего какая-нибудь сажень; и его можно было отлично взять.

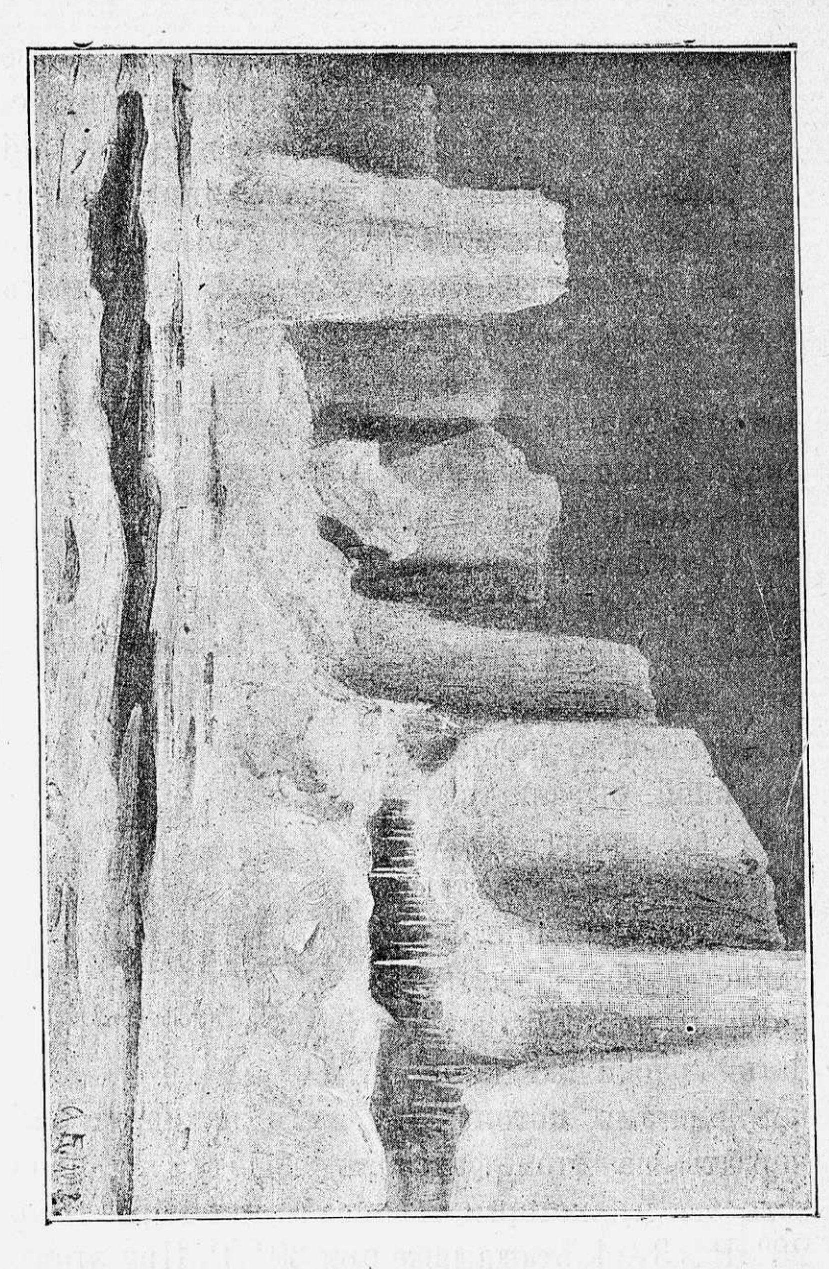
Когда мы были на берегу Карскаго моря, дулъ все время (3 1/2 мѣсяца) сѣверо-западный вѣтеръ, и съ конца апрѣля въ Карскомъ морѣ не было льда. Напротивъ того, все западное море, т. е. Ледовитый океанъ, было сплошь загромождено льдомъ все лѣто, такъ что ледоколъ «Ермакъ» смогъ дойти только до полуострова Адмиралтейства.

Т. Е. Тимофеевъ дѣлалъ съемки и составилъ карты заливовъ Незнаемаго, Чекина, Медвѣжьяго и Канкрина. Этими съемками воспользовалось главное гидрографическое управленіе и нанесло на карту Карскаго моря и Новой Земли новые заливы, тогда какъ до тѣхъ поръ едва были намѣчены только лишь

устья ихъ у самаго моря, съ этихъ-же картъ былъ нанесенъ ледникъ Витте и многое другое. Кромѣ того Тимофѣевъ собралъ много коллекцій по фаунѣ и флорѣ, я же писалъ этюды. Работать было очень трудно; приходилось обрѣзать кисти, дѣлать щетину короткой, растирать краски было почти немыслимо. Вѣдь на жестокомъ холоду художнику приходится совсѣмъ иначе работать: стужа превращаетъ краски въ твердое тѣло, котораго кисть не беретъ и которое не размазывается по полотну. Со мной бывали случаи во время моихъ «полярныхъ» работъ, что даже скипидаръ, единственное средство, которое могло бы сдѣлать краски жидкими, не помогалъ, потому что самъ начиналъ замерзать на этомъ адскомъ холоду. У меня есть этюды, которые я писалъ на морозѣ въ 23° Р., 3—4 этюда даже при 30° Р. При этомъ кисть приходилось держать въ кулакѣ, при-

Т. Е. Тимофеевъ.

Ледникъ Витте.

крытомъ рукавомъ малицы, и изо всѣхъ силъ прижимать ее къ полотну, нанося на него краски. Кисть трещитъ, ломается, коченѣющія руки отказываются служить. Но рисуешь, весь охваченный жаждой занести на полотно эти причудливыя, мрачныя, полныя своеобразной красоты картины крайняго сѣвера.

Мы добрались до самаго сѣвернаго конца Медвѣжьяго залива, и передъ нами предсталъ величественный ледникъ, названный нами именемъ С. Ю. Витте, въ признательность за матеріальную поддержку, которая была оказана экспедиціи.

Этотъ грандіозный ледникъ дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ. Чувствуешь себя какимъ-то жалкимъ и ничтожнымъ. Но стóитъ выглянуть солнцу,—рѣдкому, правда, гостю въ этомъ пустынномъ краю,—и мрачная картина мгновенно мѣняется. Эти исполинскія ледника глыбы - льды переливаютъ всѣми цвѣтами радуги, кажутся фантастическимъ дворцомъ сѣвернаго царства. Долгіе часы просиживалъ я здѣсь, любуясь ледникомъ и зарисовывая его.

Здѣсь я рѣшилъ поработать побольше. Но припаи стали выламываться, и мы двинулись обратно. Попавъ въ заливъ Чекина, мы отправились вглубь. Настали опять тяжелые дни, и всяческія лишенія. Далеки они были отъ пере-

житыхъ нами прошлой осенью на пловучихъ льдахъ, но все же натерпѣлись вдосталь; приходилось питаться одной тюлениной. Когда Т. Е. Тимофеевъ съ самоѣдомъ уѣхалъ отъ меня на съемки, у меня не было буквально никакой пищи, а до нашего склада было верстъ двадцать; снѣгъ же пропиталъ на льду соленой водой, ѣхать было почти невозможно, а голодъ не тетка и я сталъ собирать обгрызанные собаками тюленьи плавники (ласты), чтобы на всякій случай хоть ими питаться. Мы уже раньше ѣли ихъ— отрѣжемъ бывало, бросимъ въ огонь и затѣмъ грыземъ это жаркое. Теперь же предстояло ѣсть и огрызки послѣ собакъ. Къ счастью, этого не пришлось дѣлать. Самоѣду посчастливилось убить гуся. Это было прямо неожиданнымъ лакомствомъ послѣ тюленьихъ плавниковъ, да еще изъ собачьихъ зубовъ.

Впослѣдствіи мы встрѣчали много гусей— полярныхъ лѣтнихъ гостей. Они водятся по берегамъ озеръ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ около рѣкъ и моря. Особенно они интересны, когда линяютъ Тогда можно ихъ избивать палками цѣлыя сотни. Потеряетъ гусь нѣсколько маховыхъ перьевъ и уже не можетъ летать. Онъ можетъ только бѣгать, правда, очень быстро. Но кромѣ быстрыхъ ногъ, линяющій гусь прибѣгаетъ для защиты отъ нападе-

нія врага къ инстиктивной хитрости: обычный гусиный шумъ и гомонъ, стоящій надъ озерами, когда гуси могутъ летать,—вдругъ стихаетъ въ періодъ линянья. Ни одинъ гусь не подаетъ голоса; все точно вымерло кругомъ. Стоитъ кому-либо подойти къ озеру, какъ масса гусей бросается въ разныя стороны.

Какъ-то разъ я съ самоѣдомъ подъѣхалъ къ одному большому озеру. Посрединѣ его еще не стаялъ зимній ледъ, несмотря на то, что это былъ уже конецъ іюня. Только у береговъ была открытая вода,—такъ-называемые «забереги». Часть линяющихъ гусей, заслышавъ насъ, бросилась къ озеру, переплыла воду и выбѣжала на ледъ. Но за ними кинулась собака. Укрыться гусямъ было негдѣ; тогда они прибѣгли къ хитрости: птицы начали все больше и больше прихрамывать, безпомощно вытягивать крыло, затѣмъ, протащившись еще немного, попадали на ледъ и даже отогнули шею назадъ. Ну, околѣли да и только. И собака поддалась обману. Предполагая, что гусь мертвъ, она не трогая его, бѣжала къ другому, лежавшему поодаль, но какъ только она отбѣжитъ на достаточное разстояніе, «мертвый» гусь, что есть духу, убѣгаетъ назадъ и кидается въ воду.

Какъ мы ни бились, собаки не могли пой-

мать ни одного гуся. Сначала мы боялись ступать на ледъ, но затѣмъ, послѣ неудачи собакъ, мы пришли въ азартъ и бросились сами ловить хитрецовъ. Въ особенности ловокъ былъ самоѣдъ, схватитъ гуся за голову, тряхнетъ его и тотъ готовъ. Гуси эти прямо спасли насъ отъ голодной смерти.

Въ концѣ іюня, сдѣлавъ массу этюдовъ и собравъ научныя коллекціи, мы направились къ Маточкину Шару. Въ Тюленьей Губѣ насъ ожидала шлюпка, которую прошлою осенью мы оставили тамъ нарочно. По берегу было идти немыслимо, такъ какъ весь онъ былъ усѣянъ громадными камнями, по которымъ собакамъ было бы очень трудно перебираться. Но камни было еще съ полгоря. Насъ ждало худшее:—намъ пересѣкали путь горныя рѣчки, съ неистовой силой несущія свои грязныя воды въ Карское море. Мы пускались на хитрость, удалялись вглубь, въ горы, къ верховьямъ рѣчекъ, но и тамъ не могли найти удобнаго мѣста чтобы перебраться. Въ одномъ мѣстѣ мы набрели на завалъ снѣга, который образовалъ надъ рѣкой отвѣсныя стѣнки. Мы воткнули колышки въ снѣгъ и, натянувъ на нихъ веревки, сдѣлали нѣчто въ родѣ воздушной желѣзной дороги. По этимъ рельсамъ-веревкамъ мы перетравили на саняхъ все наше имущество, а затѣмъ перебрались и сами, съ собаками.

Прошли часть пути, и опять наткнулись на рѣку. Природа однако сама пришла на помощь. Я замѣтилъ вдали островокъ, и на немъ камни величиной съ голову. Вотъ я и рѣшилъ воспользоваться ими для цѣлаго инженернаго сооруженія. Добравшись кое-какъ до островка, черезъ первый, болѣе мелкій, рукавъ рѣки, мы начали заваливать камнями второй, болѣе глубокій, рукавъ. Больше четырехъ часовъ таскали мы камни и, наконецъ, всетаки добились: отвели воду въ первый рукавъ и перебрались за второй.

Попадались рѣчки и дальше, но уже небольшія, и мы переходили ихъ безъ труда. Зато появилась другая напасть—вѣтеръ. Пока онъ дуетъ съ моря, еще не бѣда, но какъ онъ перемѣнится, да подуетъ съ горъ, — просто съ ногъ рветъ. Новая Земля служитъ какъ бы гигантской плотиной, преграждающей свободный путь вѣтру, движущемуся на широкомъ просторѣ Ледовитаго океана съ запада на востокъ и въ Карскомъ морѣ съ востока на западъ. Вѣтеръ идетъ на свободѣ широкой струей въ нѣсколько сотъ верстъ и вдругъ встрѣчаетъ на своемъ пути преграду — хребетъ Новой Земли. Онъ стремится пробиться сквозь ея

мрачную, обледенѣлую твердь, проскочить через долины, разлоги рѣкъ, пропасти, овраги, а также и поверхъ горъ. Въ тѣсныхъ проходахъ онъ пріобрѣтаетъ неимовѣрную силу и сокрушаетъ все на своемъ пути.

Наконецъ, добрались мы до Тюленьей губы. Здѣсь мы наловили массу «гольца», рыбы, напоминающей семгу. Голецъ водится тамъ въ страшномъ изобиліи, и ловля его можетъ представить очень крупный и выгодный промыселъ, не только мѣстный, но и для вывоза въ среднюю полосу Россіи. До чего тамъ много этой рыбы, могутъ служить указаніемъ факты, которые мнѣ передавали самоѣды. Пока кипятишь воду для чая, ловишь бывало рыбу и успѣешь выловить до 70 рыбинъ, вѣсомъ каждая въ 10—20 фунтовъ.—Ловятъ самоѣды гольца по-просту: на удочку, причемъ приманкой служитъ оленье сало или ворвань.

Изъ Тюленьей губы мы пошли на шлюпкѣ Маточкинымъ Шаромъ къ нашему дому, но тутъ налетѣлъ на насъ такой ураганъ, что мигомъ сломило мачту и выбросило насъ на берегъ, на острые камни. Сильный прибой волнъ каждую минуту грозилъ разбить нашу шлюпку въ доцепы, а безъ шлюпки бѣда: не попасть намъ никакъ на южный берегъ, на которомъ стоитъ домъ.

Добрались мы кое-какъ до другого берега, въ заливъ Тарасова, оставались тамъ три дня, потомъ прошли проливомъ еще верстъ 30: тамъ былъ еще зимній крѣпкій ледъ. Вся западная часть моря представляла гигантскій ледникъ. Рѣшили вытащить на берегъ шлюпку и идти пѣшкомъ. Собаки у насъ разбрелись, и мы тащили все на себѣ и этюды, и коллекціи, рѣшивъ въ крайности погибнуть вмѣстѣ съ ними, но не бросать это главное наше сокровище, стоившее такихъ трудовъ.

Вѣтеръ очень затруднялъ намъ путь, но въ насъ была бодрость отъ сознанія близости конца путешествія, и мы шли неуклонно впередъ. Добрались до устья рѣки Чиракиной; отъ нея оставалось до дому верстъ двадцать. И тутъ, когда утомленіе начинало уже свинцомъ наливать намъ ноги, счастье снова улыбнулось намъ. Мы увидѣли, что изъ песка торчитъ что-то. Приблизившись, увидѣли, что это дно занесенной пескомъ лодки. Видно, ее вѣтромъ выбросило на песокъ изъ моря, и затѣмъ засыпало. Одной доски не доставало въ днѣ. Эта бѣда была поправимая. Мы вытащили изъ саней гвозди, вытесали изъ плавника доску и приколотили, положивъ между досками еще куски малицы, чтобы дно не очень протекало.

Текла лодка страшно, но все же кое-какъ переплыли мы въ ней устье рѣки; съѣли полусырьемъ послѣдняго гуся и усталымъ шагомъ двинулись къ дому — онъ былъ уже въ виду. Мы шли къ нему, какъ автоматы, ничего не

Общій видъ дома и метеорологической станціи экспедиціи на Новой Землѣ.

сознавая, кромѣ того, что должны, во что бы то ни стало, дойти до мѣста.

Но вотъ мы у порога нашего дома. Мы спасены, мы счастливы. Все, что выстрадано и переиспытано, не пропало понапрасну. Мы похитили тайны полярнаго міра, воспроизвели

его таинственныя красоты, и это сладостное сознаніе сторицей вознаградило насъ за все, что было вынесено, за всѣ тѣ долгіе дни, когда, казалось, не было никакой надежды вырваться изъ ледяныхъ лапъ смерти въ мертвой странѣ.

Объясненіе къ свѣтовымъ картинамъ, воспроизведеннымъ съ картинъ художника А. А. Борисова.

1) *Карта Карскаго моря, Ледовитаго океана и Большеземельской тундры.*—Мѣста, по которымъ путешествовалъ художникъ Борисовъ со своими спутниками. Красная линія обозначаетъ путь художника.

2) *Рыбачье становище на Мурманѣ.* Отсюда поморы-рыбаки выѣзжаютъ въ океанъ для ловли трески, палтуса, зубатки и другой рыбы. Рыбу ловятъ обыкновенно такъ называемыми ярусами. Это длинная веревка иногда отъ 10 до 15 верстъ, къ которой прикрѣпляются на разстояніи одного, двухъ аршинъ тонкіе поводки съ крючками. На каждый крючокъ обыкновенно насаживаютъ маленькую рыбку *мойву* или *песчанку* для приманки крупной рыбы. Эта крупная рыба идетъ, пожирая наживку, насаженную на крючки и попадается. А крупную рыбу въ свою очередь нерѣдко поглощаетъ акула, обрывая поводки и глотая ихъ вмѣстѣ съ крюч-

ками. Только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ акула накалывается сама на ярусъ и околѣваетъ. Акула для Мурмана—бичъ Божій.

3) *Селеніе Усть - Цыльма*, административный центръ Печорскаго уѣзда; находится на берегу рѣки Печоры. Здѣсь живетъ исправникъ, становой, имѣется казначейство и вообще, что полагается по штату уѣзднаго города.

Видны двѣ каменныхъ церкви: одна православная, другая старовѣрческая.

Недалеко отъ Усть-Цыльмы найдены нефтеносные источники съ прекраснаго качества нефтью. Вопросъ только въ томъ много ли тамъ нефти. Если много, то это можетъ дать огромный толчекъ всей мѣстной жизни и оживитъ край.

4) *Пустозерскъ.*—Тяжелое впечатлѣніе производитъ Пустозерскъ. Это (вмѣстѣ съ селеніемъ Куей) послѣдніе проблески жизни осѣдлой, хотя убогой и тяжелой. Есть церковь довольно большая, но новая. Въ былое время ихъ было много: но часть ихъ погнила, другая сгорѣла, и ничто больше не напоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда въ Пустозерскѣ томились знаменитые ссыльные XVIII столѣтія. Здѣсь же кончилъ на кострѣ жизнь извѣстный протопопъ Аввакумъ: старики указываютъ на крестъ, который когда-то былъ поставленъ на

мѣстѣ его сожженія почитателями Аввакума, прибывшими для этой цѣли изъ города Мезени.

Въ настоящее время въ Пустозерскѣ 9—10 домовъ и только четыре изъ нихъ новые и порядочные, все же остальное пришло въ крайнюю ветхость. Стоитъ Пустозерскъ посреди тундры, и ни кустика, ни холмика, только вѣтеръ неугомонный свиститъ, да засыпаетъ холоднымъ снѣгомъ.

5) *Церковь въ Пустозерскѣ*, вокругъ которой кладбище съ крестами.

6) *Олени на отдыхѣ*. Весною олени бываютъ очень слабы и при первой возможности падаютъ на снѣгъ и лежатъ, какъ убитые. Это повидимому происходитъ отъ того, что какъ-бы олень ни старался ѣсть мохъ, вся пища уходитъ на питаніе его огромныхъ роговъ, которые выростаютъ всего въ мѣсяцъ съ небольшимъ. Если взять рукою за концы роговъ, то на ощупь рога очень горячи. А если рѣзнуть ножикомъ, то кровь брызнетъ и забьетъ какъ изъ фонтана. Это самое чувствительное мѣсто оленя. Часто переутомившійся олень лежитъ какъ убитый даже въ то время, когда его травятъ собаками и когда собаки рвутъ его за бока, но когда его начинаютъ бить по молодымъ концамъ роговъ, тогда олень вскакиваетъ какъ шальной. Если отрѣзать рога, то на

этотъ годъ рога уже больше рости не будутъ и олень быстро раздобрѣетъ.

7) *Обозъ художника Борисова* во время его путешествія по тундрѣ. Холсты, краски, бумага, чай, сахаръ и проч. все это положено въ бочки для того, чтобы не подмокло впослѣдствіи, когда весной приходилось переправляться вплавь черезъ рѣки Большеземельской тундры.

8) *Апрѣльская ночь въ Большеземельской тундрѣ*. Здѣсь въ это время уже ночи бываютъ настолько свѣтлы, что можно спокойно въ продолженіи всей ночи писать красками.

9) *Самоѣдскія кладовыя сани*. Все ненужное лѣтомъ, какъ то: теплую зимнюю одежду, обувь, запасъ оленьихъ шкуръ и проч. самоѣды навьючиваютъ на сани и, накрывъ все это сверху оленьими шкурами и увязавъ веревками, оставляютъ гдѣ нибудь на примѣтномъ мѣстѣ Большеземельской тундры; а осенью приходятъ и берутъ снова. Прежде никто ничего чужого не бралъ и все обыкновенно было въ сохранности, но за послѣднее время и тамъ начинаютъ воровать.

10) *При полуночномъ солнцѣ*. Торговая лавочка торговца-пустозерца въ селеніи Никольскомъ на берегу пролива Югорскій Шаръ. Жители Пустозерска и другихъ деревень на рѣкѣ

Печорѣ ведутъ большею частью мѣновую торговлю съ кочевниками Большеоземельской тундры. Сюда въ Югорскій Шаръ пустозерцы для самоѣдовъ везутъ все: муку, крупу, чай, сахаръ, свинецъ, порохъ, водку и т. д., а взамѣнъ берутъ шкуры бѣлыхъ медвѣдей, оленей, моржей, тюленей, россомахъ, песцовъ, тюлений жиръ, рыбу, моржовые клыки и т. п.

11) *Жилье бѣднаго самоѣда подъ лодкой.* Есть такіе бѣдняки самоѣды, что у нихъ даже нѣтъ возможности соорудить чумъ и такой самоѣдъ поневолѣ долженъ жить подъ лодкой. Къ зимѣ его обыкновенно кто нибудь пускаетъ къ себѣ въ чумъ изъ состраданія. Подъ лодкой сидитъ самоѣдка и вышиваетъ себѣ украшеніе для малицы изъ лоскутковъ краснаго сукна и шкуръ.

12) *Церковь въ селеніи Никольскомъ* (на берегу пролива Югорскій Шаръ, который отдѣляетъ островъ Вайгачъ отъ материка). Эта церковь была построена Александромъ Михайловичемъ Сибиряковымъ по обѣщанію, данному имъ во время одного опаснаго плаванія по Карскому морю. Здѣсь-же Сибиряковъ выстроилъ монастырскій скитъ и впослѣдствіи хотѣлъ основать монастырь, но монахи погибли всѣ до одного отъ цынги во вторую-же зиму, и попытка основать моностырь была оставлена. Сзади

видна старая часовня пустозерцевъ, которые ходятъ молиться только въ свою часовню. Они говорятъ: «мы не пойдемъ молиться чужому Богу, мы молимся только своему—Миколѣ».

13) *Полночь въ Августѣ.* Чумъ на берегу Югорскаго Шара. Вдали видна полоска острова Вайгача.

14) *Самоѣдское становище на берегу Ледовитаго океана* по сосѣдству съ Югорскимъ Шаромъ. Здѣсь самоѣдъ живетъ и ловитъ неводомъ рыбу — омуля. Омуль — это прекрасная рыба, немного похожая на сига, но гораздо сочнѣе и вкуснѣе. Сиговъ здѣсь продаютъ по 1 р. за пудъ, а омуля по 2 р. за пудъ.

15) *Общій видъ селенія Никольскаго.* Сюда ежегодно лѣтомъ съѣзжается много самоѣдовъ и русскихъ. Здѣсь самоѣды промѣниваютъ русскимъ и зырянамъ-торговцамъ свои промыслы, а взамѣнъ получаютъ все необходимое для жизни въ тундрѣ и на островѣ Вайгачѣ. Сюда-же весной ежегодно пріѣзжаетъ священникъ и креститъ самоѣдскихъ дѣтей, иногда нерѣдко десяти-пятнадцати лѣтъ отъ роду. Совершаетъ онъ и вѣнчаніе надъ самоѣдами. Самоѣды вѣнчаются, конечно, болѣе изъ моды, чѣмъ по убѣжденію. По имени всѣ они христіане, но на самомъ дѣлѣ всѣ язычники.

16) *Охота на моржей.* Моржа, обыкновенно, надо или брать на гарпунъ, если онъ на водѣ, или стрѣлять въ него, если онъ лежитъ на льду, на очень близкомъ разстояніи. Подкрадываются противъ вѣтра, такъ какъ моржъ довѣряетъ гораздо больше своему обонянію, чѣмъ зрѣнію. Моржа надо уложить пулей на мѣстѣ, чтобы онъ не шелохнулся, иначе онъ свалится со льдины въ воду и потонетъ какъ камень. Самоѣды говорятъ, что у моржа *только три смерти*, т. е. три мѣста, по которымъ можно убить моржа наповалъ изъ обыкновенной винтовки. Въ другія мѣста можно стрѣлять хоть изъ пушки: все равно не убить наповалъ.

Иногда моржи, осенью въ періодъ любви, бросаются на человѣка. Въ это время, какъ говорятъ самоѣды, у нихъ глаза наливаются кровью и они очень опасны, кидаются на лодку и опрокидываютъ ее.

17) *Привалъ художника на берегу Карскаго моря подъ каменной скалой.* Видны спальный мѣшокъ, подушка, корзинка, фотографическій аппаратъ. Вдали надвигаются со стороны Карскаго моря льды.

18) *Главная самоѣдская святыня на островѣ Вайгачѣ.* Самоѣды, какъ было сказано выше, только по имени христіане, на самомъ-же дѣлѣ они язычники. Такъ напримѣръ, они не-

премѣнно имѣютъ въ каждомъ обозѣ небольшихъ идоловъ и въ то-же время по праздникамъ кадятъ ладаномъ въ чуму передъ иконами. Сюда самоѣды ѣдутъ за тысячи верстъ часто изъ за Урала, чтобы здѣсь у подножія властелина полярныхъ пустынь задавить оленя и кровью его окропить несмѣтныя груды идоловъ. Среди самоѣдовъ еще существуютъ человѣческія жертвоприношенія, такъ напримѣръ въ 1897 г. самоѣдъ Іогарканъ принесъ въ жертву своего сына. Художникъ Борисовъ часто говорилъ самоѣдамъ, что «не хорошо убивать людей и приносить въ жертву сядэю (дьяволу)» и самоѣды ему на это отвѣчали всегда неизмѣнно: «да мы и сами знаемъ, что это не хорошо, потому мы и дѣлаемъ, что это худо. Вѣдь это мы дѣлаемъ не для Бога (хая), а для сядэя. (Злой духъ). А сядэй любитъ, чтобы мы дѣлали худо, и за это намъ пригонитъ много, много звѣря и рыбы!»

19) *Груда идоловъ.*—Это мѣсто находится версты за двѣ, за три отъ главной святыни. Борисову представилась возможность собрать интересную коллекцію этихъ идоловъ и разныхъ предметовъ приношеній для одного изъ общественныхъ музеевъ.

20) *Болванскій носъ, видъ на Карскія Ворота.* На небѣ видны темныя пятна—это отра-

женіе воды. Когда самоѣду надо ѣхать на морскіе промыслы а онъ не знаетъ куда надо ему ѣхать, ибо морского звѣря онъ найдетъ только тамъ, гдѣ есть открытая вода, а открытой воды не видно, тогда онъ смотритъ на небо и смѣло ѣдетъ туда, гдѣ видитъ темныя пятна: онъ увѣренъ, что въ этомъ направленіи найдетъ открытую воду.

21) *Гробы самоѣдовъ.* Эти гробы стоятъ непосредственно на поверхности земли. Около нихъ валяются нарты и черепа съ рогами тѣхъ оленей, на которыхъ ѣздилъ покойный. Внутри гроба лежитъ покойникъ въ самоѣдской одеждѣ и обуви, завернутый съ головой въ рогожу. Около головы деревянная чашка съ чѣмъ-то чернымъ внутри, по всей вѣроятности, съ разложившейся кровью и мясомъ, и желѣзный, ржавый безъ ручки ковшикъ; около пояса лежитъ топоръ и ножикъ,—очевидно они вложены были покойному въ руки; съ правой стороны около груди небольшой идолъ,—это все предметы необходимые самоѣду въ его загробной жизни. Другой гробъ ребенка, трупъ котораго съ головой зашитъ въ какую-то полотняную тряпку. Здѣсь никакихъ атрибутовъ нѣтъ. Оба покойника головами положены на сѣверъ — значитъ лицомъ къ благодатному солнцу.

22) *Судно «Мечта»*, на которомъ совершилъ путешествіе художникъ и его спутники на Новую Землю. Судно покоится на льдахъ, приподнято изъ воды. Какъ только напоръ льдовъ стихъ, судно снова встало на воду и снова пошло подъ парусами. Во время второго путешествія оно брошено было въ Карскомъ морѣ на произволъ судьбы, хотя оно и было совершенно цѣло.

23) *Становище Малые Кармакулы* на западномъ берегу Новой Земли. Самоѣды обыкновенно лѣтомъ всегда живутъ въ чумахъ. Казенную избу они не любятъ и только ужасающій новоземельскій морозъ загоняетъ ихъ туда. Да оно и понятно: какая масса самоѣдовъ и 40—50 собакъ живетъ въ этой избѣ! Можно себѣ представить, что за ароматъ царитъ тамъ! И самоѣды ждутъ-не-дождутся лѣта, чтобы, переѣхать въ чумы.

24) *Домикъ, построенный русской администраціей для самоѣдовъ* на Новой Землѣ въ становищѣ Маточкинъ Шаръ.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ русское правительство принуждено было колонизировать Новую Землю, чтобы не потерять ее подобно Шпицбергу, какъ извѣстно, острову искони русскому. Жить на Новой Землѣ согласились только самоѣды, которые и перевезены

были туда за счетъ государства. Сюда-же ежегодно, два раза въ годъ, въ Іюлѣ и Августѣ, отправляется изъ Архангельска пароходъ и везетъ необходимую провизію самоѣдамъ, въ свою очередь забирая ихъ промыслы.

25) *Въ гостяхъ у самоѣда.* Самоѣды вообще чрезвычайно гостепріимны. Когда попадаетъ путешественникъ къ нимъ, то они тащатъ на столъ все, что у нихъ есть самое лучшее—бѣлый хлѣбъ, коровье масло, которое они считаютъ лучшимъ лакомствомъ въ мірѣ, водку и проч., Если это случается въ тундрѣ, далеко отъ берега моря и нѣтъ дровъ для того, чтобы вскипятить чайникъ и сварить «котелъ», какъ говорятъ самоѣды, то они выбираютъ сани, которые похуже и рубятъ ихъ на дрова.

26) *Самоѣдъ въ малицѣ* и въ совикѣ во время сорокаградуснаго мороза, собравшійся на охоту за бѣлыми медвѣдями. Обыкновенному человѣку если надѣть на себя малицу и совикъ, почти невозможно поворачиваться. Самоѣды-же напротивъ того, очень ловки и въ такомъ костюмѣ, стрѣляютъ и убиваютъ медвѣдей.

27) *Проливъ Маточкинъ Шаръ* съ высоты птичьяго полета. Этотъ проливъ раздѣляетъ Новую Землю на два острова: Южный и Сѣ-

верный. Образованіе его очень простое: вслѣдствіе вѣкового поднятія срединной части Новой Земли, она преломилась на двѣ (не совсѣмъ равныя) половины и по срединѣ ея, такимъ образомъ, образовалась трещина, нынѣ собою представляющая проливъ Маточкинъ Шаръ. Въ силу большого поднятія средины Новой Земли, и горы здѣсь достигаютъ до 4000 футъ высоты, тогда какъ концы новой земли южный и сѣверный далеко ниже.

28) *Первый привалъ экспедиціи на берегу Карскаго моря.* Послѣ зимовки на Новой Землѣ въ 1900—1901 году художникъ Борисовъ въ сопровожденіи зоолога Тимофея Ефимовича Тимофеева и самоѣда Устина съ острова Колгуева отправились пѣшкомъ по береговымъ припаямъ Карскаго моря къ сѣверу. Во время этого пути художникъ писалъ картины съ натуры, зоологъ собиралъ научныя коллекціи и дѣлалъ съемки мѣстности, которыя до него еще не были никѣмъ положены на карту. Самоѣдъ стрѣлялъ разнаго звѣря для кормежки собакъ. На собакахъ везли только самое необходимое. Сами члены экспедиціи помогали тащить собакамъ, при кочеваніи съ мѣста на мѣсто. Такъ путешественники скитались сто шесть дней по этой мертвой странѣ.

29) *Сани, поставленныя на запятки* Свер-

ху положена собачья запряжка, ремни, обувь, чтобы все это не съѣли собаки. Собаки ѣдятъ все: пимы, малицы, а что касается ремней изъ тюленей кожи, то собаки ихъ считаютъ лакомствомъ. Въ особенности, когда они сытно покушаютъ тюленьимъ жиромъ. Послѣ тюленьяго жира они набрасываются охотно даже на оленью шерсть и съ жадностью ѣдятъ ее. Наоборотъ, когда собаки были кормлены мясомъ оленя, который околѣлъ вслѣдствіе крайняго своего истощенія онѣ съ жадностью набрасывались на тюленій жиръ. Если собакъ кормитъ только однимъ мясомъ истощеннаго оленя, то онѣ дѣлаются совершенно безсильными.

30) *Моментъ полнаго солнечнаго затмѣнія*, наблюдаемый въ 1896 году на Новой Землѣ. Это противуположная сторона солнца, закрытаго луною.

Горы, юрта, вода и облака, парящія надъ этою частью земли, все находится въ тѣни. Тогда какъ небо (дальше облаковъ) освѣщается яркими солнечными лучами. Въ силу этого контраста, который въ другое время не существуетъ, получается необычайная картина.

31) *Ледяная гора въ Карскомъ морѣ.* Образованіе такихъ льдовъ происходитъ такъ: втеченіе цѣлыхъ сотенъ лѣтъ (годовъ) остается

грандіозное скопленіе снѣга на такихъ островахъ или материкѣ, гдѣ снѣгъ, выпавшій во время длинной, зимы не успѣваетъ стаять короткимъ и холоднымъ лѣтомъ. Снѣгъ этотъ мало-по-малу превращается подъ сильнымъ давленіемъ въ чистый кристаллическій ледъ. Прибрежные льды, выдавливаемые силой тяжести льдовъ, находящихся по срединѣ острова, начинаютъ медленно ползти къ морю и съ оглушительнымъ стономъ и трескомъ низвергаются въ воду. Долгіе годы, какъ странники Божіи, плаваютъ они въ морѣ, пока, наконецъ, не попадутъ въ полярное теченіе, которое идетъ къ югу, а то не вынесетъ ихъ въ болѣе теплыя воды гдѣ они и таютъ.

32) *Самоѣдъ Устинъ.* Постоянный кормилецъ собакъ, а въ трудныя минуты и всѣхъ членовъ экспедиціи. Прекрасный стрѣлокъ. Въ молодости былъ на островѣ Колгуевѣ шаманомъ и билъ въ барабанъ, а потомъ, какъ онъ говоритъ, всѣхъ дьяволовъ передалъ своей дочери, «а то ужь очень мучатъ они, все просятъ работы и заставляютъ бить въ барабанъ». Во время экспедиціи страшно скучалъ и думалъ объ островѣ Колгуевѣ, какъ объ обѣтованной землѣ.

33) *Ледяная гора Въ Карскомъ морѣ.* (Описаніе было въ № 31).

34) *Зоологъ Т. Е. Тимофѣевъ.* Сидитъ на огромномъ бревнѣ плавника. Плавникъ — это лѣсъ, выносимый по преимуществу сибирскими рѣками, и долгіе годы странствующій по морю. Иногда волнами выбрасываетъ его на берега. Изъ плавника самоѣды берутъ себѣ дрова, дѣлаютъ сани, лодки, жилища, гробы...

35) *Собаки экспедиціи.* Ѣзда на собакахъ вообще чрезвычайно трудна и непріятна. Во время ѣзды подъ-гору онѣ несутся точно ошалѣвшія и всегда норовятъ наскочить на какой нибудь камень или выступъ скалы, чтобы сломать сани. Возъ опрокинется и сани—въ дребезги. Тогда собаки останавливаются и стоятъ, облизываясь, и морды у нихъ въ это время такія, лукавыя, точно онѣ смѣются надъ хозяиномъ.

36) *Ледяная гора въ Карскомъ морѣ.* Объясненіе было въ № 31.

37) *Зимняя полярная лунная ночь на Новой Землѣ.* На льду бѣлые медвѣди, которыхъ въ своемъ описаніи путешествія Борисовъ называетъ сѣверными парями. Охота за ними очень выгодна для самоѣдовъ такъ какъ одна шкура стоитъ даже на Новой землѣ 100 р.; однако она бываетъ нерѣдко очень опасна.

38) *Ледникъ Греландскаго типа,* видъ сверху. Мѣсто происхожденія странствующихъ

ледяныхъ горъ въ морѣ, о которыхъ уже говорено было раньше. Вправо вода и гигантскія трещины. Еще пройдетъ немного времени и куски справа оторвутся, упадутъ въ море и пойдутъ странствовать десятки лѣтъ. Влѣво совершенно ровное плато сплошного льда безъ всякихъ трещинъ.

39) *Такой же ледникъ* — видъ снизу отъ линіи горизонта воды. Этотъ ледникъ названъ нами ледникомъ «*Витте*».

40) *Полярная лѣтняя полночь въ Карскомъ морѣ.*

41) *Страна смерти — полночь въ Августѣ.*

42) *Каррикатура, представляющая художника Борисова* во время его работъ на Новой Землѣ; сдѣлана однимъ французскимъ художникомъ.

Свѣтовыя картины

При книжномъ складѣ Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній открытъ отдѣлъ по подбору, изготовленію и разсылкѣ свѣтовыхъ картинъ для изданныхъ Коммисіей народныхъ чтеній. Списки картинъ приложены къ каждому чтенію.

I. Картины на стеклѣ раскрашенныя, хорошаго качества, обходятся отъ 80 к. до 2 руб.; черныя (фотографическія) отъ 40 до 85 к.

II. Дешевыя картины на стеклѣ для народныхъ чтеній механической раскраски по 30 к. Картины на стекловидной бумагѣ (фирмы Тиле) черныя по 10 к., раскрашенныя 25 к.

III. Свѣтовыя картины *на желатинѣ* раскрашенныя. Картины обходятся по 8 к. за экземпляръ. Продаются серіями по 48 картинъ. Серія 3 р. 60 к. Къ большинству серій имѣется объяснительный текстъ.

Картины, указанныя въ отдѣлѣ II и III, имѣются только къ тѣмъ чтеніямъ, которыя означены въ спеціальномъ каталогѣ.

Фонари цѣною 18 р., 25 р., 30 р. и 45 р. Универсальный проекціонно-отражательный аппаратъ Ермакъ.

Каталогъ безплатно.

Китай 8 к. Корея 4 к. Лондонъ и англичанѣ 8 к. Манчжурія 5 к. Персія 10 к. Турція 8 к. Франція 10 к. Швеція 8 к. Норвегія 8 к. Японія — к.

IV. Научно-популярныя изданія.

Путешествіе Нансена къ Сѣв. полюсу 10 к. Путешествіе въ Сѣв. полярныя страны 10 к. Въ странѣ холода и смерти 12 к. Пржевальскій 10 к. О сбереженіи здоровья 12 к. Пастёръ 8 к. Какъ беречь глаза 10 к. Правда о хмельномъ зельѣ 6 к. Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ 1 р. Дешев. кормленіе домашн. животныхъ 15 к, Наташа Свиноводка 7 к. О сѣменахъ и посѣвѣ 10 к. Грядковая культура хлѣбовъ 10 к. Лѣсъ. 5 к. Почему надо беречь лѣсъ 7 к. Какъ въ степяхъ лѣсъ разводить 7 к. Побесѣдуемъ 3 к. Огнеупорныя постройки 12 к. Каменный уголь. 5 к. Нефтяныя богатства 7 к. Электричество 30 к. Какъ дѣлаютъ бумагу и печатаютъ книги 8 к. Чудеса природы 8 к. Жизнь моря 8 к. Холера 5 к. Невидимые друзья и враги 7 к. Животныя—захребетники 10 к. Какъ изъ сѣмечка выростаетъ растеніе 10 к. Въ лѣсу Африки 25 к. Зрѣніе у животныхъ 25 к. Плодовыя деревья и ягодные кусты 10 к. Изъ жизни природы 20 к. Хозяйство безъ парового поля 5 к. Слоны и ихъ сородичи 20 к.

V. Отдѣлъ біографическій.

А. РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ И ИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Ломоносовъ 5 к. Державинъ 5 к. Фонвизинъ 8 к. Жуковскій 8 к. Карамзинъ 10 к. Крыловъ. 10 к. Грибоѣдовъ 10 к. Пушкинъ 7 к. Значеніе Пушкина 7 к. Лермонтовъ 10 к. Гоголь 10 к. Кольцовъ 5 к. Никитинъ 8 к. Семья Аксаковыхъ 10 к. А. Хомяковъ 8 к. Тютчевъ 5 к. Некрасовъ 10 к. Тургеневъ 10 к. Достоевскій 12 к. А. Толстой 10 к. Л. Толстой 12 к. Островскій 10 к. Писемскій 8 к. Лѣсковъ 8 к. Григоровичъ 8 к. Ершовъ 20 к. Майковъ 8 к. Успенскій 12 к. Фетъ 5 к. Герценъ 8 к. Полонскій 6 к. Чеховъ 8 к.

Б. Глинка 8 к. Кулибинъ 8 к. Отецъ ничьихъ дѣтей 5 к. Р. И. Кондратенко. 5 к.

VI. Разсказы, повѣсти и стихи.

ПУШКИНЪ: Русланъ и Людмила 20 к. Кавказскій плѣнникъ 10 к. Бахчисарайскій фонтанъ 6 к. Цыганы 4 к. Мѣдный всадникъ 6 к. Борисъ Годуновъ 12 к. Скупой Рыцарь 8 к. Русалка 10 к. Сказки 20 к. Стихотворенія 15 к. Евгеній Онѣгинъ 5 к. Выстрѣлъ 6 к. Метель 6 к. Гробовщикъ 4 к. Барышня-крестьянка 10 к. Станціонный смотритель 6 к. Полтава 5 к. Капитанская дочка 10 к.

ГОГОЛЬ: Тарасъ Бульба 5 к. и др.

Л. ТОЛСТОЙ: Хозяинъ и работникъ 6 к.

СѢТКОВА (КАТЕНКАМПЪ): Архангельскіе китоловы 15 к. Болгарка Марица 25 к. Братья 5 к. Атаманъ Бѣлякъ 35 к. Роковой кладъ 12 к. Старикъ Никита 8 к. На Смоленской дорогѣ 25 к. Артель босяковъ 25 к.

Сѣверцовъ. Разсказы 10 к. Чужое добро. 10 к. Конекъ Горбунокъ 20 к. Княгиня Ольга 10 к. Грѣхъ Ивана Ивановича 8 к. Колоколъ Св. Духа 8 к. Купецъ Иголкинъ 4 к. Татарскіе набѣги 8 к. Извощикъ Климъ 5 к. Мореходъ Никитинъ 4 к. Псалтырникъ 6 к. Чистыя сердца 7 к. Старица Фіонія 6 к. Тонулъ да выплылъ 8 к. Илья Муромецъ 5 к. Русская правда 5 к. Пожарный 5 к. Параша Сибирячка 15 к.

VII. Отдѣлъ юридическій и общественный.

Бесѣда о Государств. Думѣ 10 к. Государств. Совѣтъ и Совѣтъ Министровъ 8 к. Неприкосновенность личности, свободѣ совѣсти, и др. 5 к. Забастовки 10 к. Налоги 12 к. Биржа труда 5 к. Хуторское хозяйство 8 к.

Цѣна 12 коп.